

Второй, кто ушел — это доктор.

В полусне казалось, будто ее злость на меня из-за отказа от лечения запечатлелась прямо вчера и стоит перед глазами.

На самом деле, когда я только попал в отряд, первым местом, куда я отправился, было медицинское крыло. В этом помещении с постоянным сквозняком всегда витал свежий запах дезинфицирующего средства. Он мне очень нравился: чистый, успокаивающий, создающий ощущение абсолютной стерильности и ограждающий от запаха крови.

У доктора были очень теплые руки — как раз той температуры, что способна исцелить душу. В отличие от наемников, чьи ладони покрыты грубыми мозолями, ее ладони были чистыми и нежными, и лишь на подушечках пальцев чувствовался тонкий слой мозолей-шрамов — наверное, от многолетнего удержания медицинских инструментов, многократного наложения швов и смены повязок.

У нее было спокойное выражение лица, очень шедшее к ее мягким золотистым волосам, похожим на каких-то там эльфов. Простите, я уже очень давно не читал сказок, и то, что я вспомнил это название, — уже огромное достижение.

Ее глаза были чистого и ясного голубого цвета, как безмятежная, бескрайняя океанская гладь. Стоило ей просто посмотреть на меня, как бушующие волны утихали, принося мне покой.

— Сколько тебе лет? Ты восточный человек? Из Йокогамы, верно? Не ожидал, что я даже изучал твоё личное дело, да?

Она говорила быстро и без умолку — немного шумная, совсем не вяжущаяся с тем успокаивающим впечатлением, что производили ее глаза. Поток беглых английских слов легко срывался с губ, а перепады интонации мягко цепляли мои уши, словно рыболовные крючки.

Видя, что я не отвечаю ей ни словом, она лишь слегка и смущенно улыбнулась.

— Восточный человек, значит, — тихо пробормотала она.

Процесс обработки ран был невероятно скучным. Моя спина была сплошь усеяна старыми и новыми ранами, наложенными друг на друга. На шее красовался шрам от мощного удара когтистой лапы взрослого льва еще со времен гладиаторской арены, а на лице — перекрещивающиеся следы когтей, пересекающие губы; выглядело это и правда пугающе.

Обрабатывая раны, она слегка хмурила брови и что-то непрерывно бормотала себе под нос. Ее короткие золотистые волосы, чуть длиннее армейской стрижки, ярко сияли в свете медицинских ламп, напоминая солнце. Слепленный этим светом, я с легким сердцем закрыл глаза.

С того дня я каждый день точно по расписанию ходил в медицинский крыло на перевязки, и жизнь постепенно входила в мирное русло. Поскольку я выучил у Лории немало повседневных английских фраз, я понемногу начал с ней общаться:

— У тебя есть младший брат по имени Мацуда Дзинпэй? Близнецы?

— Я старшая, а он кудрявый.

— Ты ведь не в мать пошла? Очень хочется повидать твоего брата, — она оперлась одной рукой о стол, а ее светло-голубые глаза тихо и с улыбкой, затаившейся на самом дне, смотрели на меня.

— Исключено.

— Какая ты бессердечная, — с легкой улыбкой пошутила она.

На любой вопрос находился ответ, и мне очень нравилась такая непринужденная манера общения — по крайней мере, она давала мне невероятное чувство надежности и покоя. Это место было несравнимо лучше тех жадных волков в овечьих шкурах, что обитали на арене.

За те дни, что я провел наемником, блуждая наощупь по этому извилистому пути, я будто украл немного крошечного, хрупкого счастья.

Безотрадное лето сопровождалось грохотом артиллерии, густой дым окутывал лагерь, и казалось, что смерти стало еще больше. С каждым днем в медицинское крыло привозили все больше людей с оторванными руками и ногами, и густой запах крови заполнил каждый его уголок.

Доктор же, казалось, задыхалась в этой давящей, кровавой атмосфере. Ее глаза изо дня в день были подернуты усталостью и мертвенной тишиной; глядя на лужи крови вокруг, она, должно быть, всегда вспоминала о своих сестрах.

Это мучительное время тянулось очень долго.

Последний раненый, доставленный в медицинское крыло, в конце концов скончался.

— Она умерла...

Голос Лейли был надломленным и хриплым, она окончательно сломалась.

— Я ничтожна, правда... Я ничего не смогла вернуть... Моя сестра, мои две сестры...

Лейли кричала, ее голос был пронзительным и пустым, а сама она находилась на грани безумия. Она отчаянно вцепилась в собственные волосы, ее плечи яростно дрожали, а слезы катились, смешиваясь с кровавыми прожилками.

Плакавшая три дня подряд без передышки, она выглядела невероятно изможденной: лицо белое как мел, без единой капли крови, глазницы глубоко запали. Она стала какой-то прозрачной и хрупкой, казалось, дунь ветер — и она растает.

Остальные сотрудники медицинского крыла суетились в панике и полном беспорядке. Их лечащий врач окончательно сошла с ума, и это вышедшее из-под контроля состояние наполнило всю палату и коридоры атмосферой тревоги и паники.

Я попытался заговорить с ней мягко и участливо, но она лишь бессвязно повторяла обрывки слов. Под глазами залегли тяжелые свинцовые тени, дыхание было едва заметным, сама она казалась иссохшей и хрупкой — было ощущение, что она вот-вот исчезнет, растворится, прямо как ее погибшие сестры.

— Какая же я глупая, правда... Она ведь вернется... Мама всё еще дома, она еще не видела... Я всё еще здесь...

Те самые нежные и теплые руки, которые спасли бесчисленное количество жизней, сейчас были покрыты страшными кровавыми царапинами — результатом ее нервного срыва и исступленного самоистязания.

Бессознательно она поднимала руку и ожесточенно царапала лицо заострившимися от долгого отсутствия ухода ногтями — тревожно, отчаянно, жалко. От ее прежнего лучезарного и мягкого образа, напоминавшего ласковое солнце, не осталось и следа.

Всё изменилось после того, как я вернулся с задания.

Пыльный, пропахший порохом, я едва успел добраться до здания медицинского крыла, как хрупкая фигура внезапно шагнула вниз с верхнего этажа. Тяжело рухнув на раскаленную землю, она распустилась там огромным, ослепительно-красным цветком.

Она умерла.

Лейли погибла.

Умерла прямо у меня на глазах, окончательно сойдя с ума от бесконечного чувства вины, боли и давящей тяжести бытия.

Я застыл на месте, онемев всем телом, чувствуя, как кровь в жилах мгновенно превращается в лед. Опустив голову, я тупо смотрел на эту ослепительно-алую лужу под ногами.

В памяти ее безмятежное и нежное лицо стояло как будто еще вчера; на ее щеках всегда играла застенчивая, мягкая улыбка, чистая и светлая.

Интересно, чему она улыбалась в самом конце? Радовалась ли тому, что наконец обрела абсолютную свободу? Или тому, что сможет снова встретиться со своими самыми любимыми сестрами?

Ради всего этого она решила... бросить меня.

Я знал, что просто срываю на ней злость, но с какой стати она была обязана не бросать меня ради этого?..

<http://bllate.org/book/21192/2145559>